

ВЯЧЕСЛАВ
НИКОНОВ

1221

Великий князь **Георгий**
Всеволодович
и основание
Нижнего Новгорода

Никонов Вячеслав. Книги известного историка и политолога

Вячеслав Никонов

**1221. Великий князь Георгий
Всеволодович и основание
Нижнего Новгорода**

«ЭКСМО»

2022

УДК 94(092)(47)
ББК 63.3(2)43-8

Никонов В. А.

1221. Великий князь Георгий Всеволодович и основание Нижнего Новгорода / В. А. Никонов — «Эксмо», 2022 — (Никонов Вячеслав. Книги известного историка и политолога)

ISBN 978-5-04-164885-5

Правда о самом противоречивом князе Древней Руси. Книга рассказывает о Георгии Всеволодовиче, великом князе Владимирском, правнуче Владимира Мономаха, значительной и весьма противоречивой фигуре отечественной истории. Его политика и геополитика, основание Нижнего Новгорода, княжеские междоусобицы, битва на Липице, столкновение с монгольской агрессией — вся деятельность и судьба князя подвергаются пристрастному анализу. Полемику о Георгии Всеволодовиче можно обнаружить уже в летописях. Для церкви Георгий — святой князь и герой, который «пал за веру и отечество». Однако существует устойчивая критическая традиция, жестко обличающая его деяния. Автор, известный историк и политик Вячеслав Никонов, «без гнева и пристрастия» исследует фигуру Георгия Всеволодовича как крупного самобытного политика в контексте того, чем была Древняя Русь к началу XIII века, какое место занимало в ней Владимиро-Суздальское княжество, и какую роль играл его лидер в общерусских делах. Это увлекательный рассказ об одном из самых неоднозначных правителей Руси. Редко какой персонаж российской истории, за исключением разве что Ивана Грозного, Петра I или Владимира Ленина, удостоивался столь противоречивых оценок. Кем был великий князь Георгий Всеволодович, погибший в 1238 году? - Неудачником, которого обвиняли в поражении русских от монголов? - Святым мучеником за православную веру и за легендарный Китеж-град? - Князем-провидцем, основавшим Нижний Новгород, восточный щит России, город, спасший независимость страны в Смуте 1612 года? На эти и другие вопросы отвечает в своей книге Вячеслав Никонов, известный российский историк и политик. Вячеслав Алексеевич Никонов — первый заместитель председателя комитета Государственной

Думы по международным делам, декан факультета государственного управления МГУ, председатель правления фонда "Русский мир", доктор исторических наук. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(092)(47)

ББК 63.3(2)43-8

ISBN 978-5-04-164885-5

© Никонов В. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Вступление	8
Глава 1	14
Вотчина Мономашичей	14
Юрий Долгорукий – основатель Городца?	20
Восточная политика Андрея Боголюбского	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вячеслав Никонов
1221. Великий князь Георгий Всеволодович
и основание Нижнего Новгорода

800-летию Нижнего Новгорода посвящается

© Никонов В.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1221

В оформлении издания использована гравюра «Вид Нижнего Новгорода» из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию», Шлезвиг, 1656.

Вступление

Он был правнуком Владимира Мономаха, внуком Юрия Долгорукого, сыном Всеволода Большое Гнездо, племянником Андрея Боголюбского, дядей Александра Невского.

В течение двух с лишним десятилетий Георгий Всеволодович был великим князем Владимирским. Именно на его правление пришлось одно из самых драматических событий в русской истории – нашествие монголо-татарских войск Батыя, в битве с которыми Георгий и его сыновья сложили головы.

Это – крупная фигура нашей истории. К сожалению, слабо знакомая широкому читателю. За исключением, конечно, Нижегородской земли. Потому что Георгий Всеволодович является основателем Нижнего Новгорода, которому в 2021 году исполнилось 800 лет.

Не многие древние русские города точно знают время и обстоятельства своего основания. Как правило, они отмечают свои дни рождения по дате первого летописного упоминания, которая может на десятилетия отстоять от времени основания.

Нижнему Новгороду повезло. В его случае все ясно. В древней Лаврентьевской летописи, созданной в самом городе, сохранилась запись, помещенная под 6729 (1221) годом: «Того же лета великий князь Гюрги, сын Всеволож, заложи град на усть Оки и нарече имя ему Новъград». Время, место, имя основателя (великий князь Владимирский Георгий Всеволодович), имя города – все предельно ясно.

Предельно ясно?

Ничуть не бывало. При ответе на вопрос, слегка перефразирующий начальные слова «Повести временных лет» киевского летописца Нестора о начале Русской земли, – откуда есть пошла Нижегородская земля и кто в ней первым стал править? – мы встречаемся с таким обилием мнений, научных выкладок, аналитических заключений, легенд, преданий, мифов, что голова может пойти кругом. Почему? Да потому что письменные источники о начале Нижегородской земли довольно скудны. Предания и легенды, прочно вошедшие в народное сознание, появились намного раньше серьезных научных работ с анализом летописей и результатов археологических раскопок. К тому же в историю всегда пытаются вторгнуться и вторгаются политика и идеология, авторитет и амбиции научных школ и отдельных исследователей, стремление к сенсационности и к «удревлению» прошлого.

Для начала, как же звали основателя Нижнего Новгорода? В современных исторических трудах чаще говорится о Юрии Всеволодовиче. В источниках, связанных с церковью, основателя Нижнего называют Георгием, под этим именем он был крещен и канонизирован. Три имени – Георгий, Юрий, Егор, распространенные сегодня, в XII – XIII веках были формами одного имени. Юрий – адаптированная форма греческого имени Георгий, которое плохо давалось нашим предкам. В летописях мы обнаружим разночтения. Например, Юрия Долгорукого в летописях называют Гюрги, Дюрги, Юрги.

А его внука, основавшего Нижний Новгород? По-разному. Но я остановлюсь на Георгии. Георгий – начертано на раке во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, изготовленной в 1645 году.

Георгий – на верхней доске раки, которая экспонируется в Третьяковской галерее.

Георгий – на иконе над ракой с его мощами во владимирском Успенском соборе.

Георгий – на иконе в храме села Горка Тверской области, недалеко от места гибели князя.

Георгий – читаем на росписи юго-западного столпа Архангельского собора Московского Кремля.

Георгий – вырезал Федот Иванович Шубин на мраморном медальоне, экспонируемом в кремлевской Оружейной палате.

Георгий – отлито скульптором Иваном Петровичем Витали на барельефе на южных дверях Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.

Георгий – на изготовленной в Холуе художником Иваном Афанасьевым в 1814 году иконе «Князья Владимирские», выставленной в Государственном Русском музее в Петербурге.

Георгий – читаем на его иконе в нижегородском Александро-Невском соборе.

Георгий – на фреске нижегородского собора Михаила Архангела.

Георгий – значится на иконе, установленной в 2004 году на Дмитриевской башне Нижегородского кремля.

Основателя Нижнего Новгорода при жизни звали Георгием, как, впрочем, и его деда Юрия Долгорукого.

Если бы я писал книгу из серии «Жизнь замечательных людей», то, наверное, назвал бы его более привычно для историков и читателей – Юрием Всеволодовичем. Но, поскольку речь пойдет и о нижегородской истории, пусть он будет Георгием Всеволодовичем. Как это написано на его памятнике в кремле Нижнего Новгорода. Однако в цитатах сохранится то имя, которым его называют авторы.

Сказать о том, что Георгий Всеволодович – фигура противоречивая, это не сказать ничего. Редко какой персонаж российской истории, за исключением разве что Ивана Грозного, Петра I или Владимира Ильича Ленина, удостоивался столь противоречивых оценок со стороны историков. При этом имя Георгия Всеволодовича даже в учебниках всплывает нечасто в отличие от имен его родственников: отца – Всеволода Большое Гнездо, брата – Ярослава Всеволодовича, а уж тем более племянника (сына Ярослава) – Александра Невского.

Полемику о Георгии Всеволодовиче можно обнаружить уже в летописях. Наибольшее количество относительно первоисточников сведений о нем существует в Лаврентьевской летописи, созданной в Нижнем Новгороде в 1377 году, в Новгородской первой, Ипатьевской, Симеоновской летописях, в Летописце Переяславля Суздальского, Ермолинской летописи, Рогожском летописце. Поскольку эта книга – не диссертация, будем использовать и поздние летописные своды, которых стараются избегать профессиональные медиэвисты. Использую и Московский летописный свод конца XV века, и Лицевой летописный свод XVI века. Нередко буду использовать их перевод на современный русский язык. И обойдусь без сносок.

Одними из первых защитников князя Георгия Всеволодовича стали авторы Лаврентьевской и Симеоновской летописей. «...И грады многы постави, паче же Новъгородъ вторыи постави на Волзь усть Оки, и церкы многы созда, и манастирь святыя Богородица-Новъгороде...»

Комплиментарной для великого князя была Степенная книга, составленная в 1560-е годы митрополитом Афанасием. Здесь великий князь Георгий представлен как святой князь-мученик, защитник Русской земли и православной веры от язычников-агарян.

Для церкви Георгий – святой князь и герой, который «пал за веру и отечество». В классической «Истории русской церкви» митрополита Московского и Коломенского Макария читаем, что он «отличался также высоким христианским благочестием... Вкусив смерть от татар на берегах реки Сити (1238), христолюбивый князь Георгий причтен Церкви за благочестие к лику святых».

Благодаря канонизации в 1645 году, Георгий Всеволодович стал положительным персонажем русской книжности. Это нашло отражение в обширной житийной литературе, оказавшей воздействие и на нижегородскую краеведческую среду. В ней, как отмечал биограф Георгия профессор Нижегородского государственного университета Андрей Александрович Кузнецов, имеется «мощная струя в освещении фигуры князя – светлая, исполненная благодарности. Исходит она из нижегородских пределов, центром которых является город, основанный князем. В этих, в основном, краеведческих штудиях образ князя исключительно поло-

жительный, «отлакированный». Все шероховатости его деятельности сглажены, острые углы аккуратно обходятся исследователями».

Высоко отзывался о Георгии известный историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Николай Иванович Костомаров, который подчеркивал, что с вокняжением во Владимире Георгия Всеволодовича «Ростовско-Суздальская земля до самого татарского нашествия избавилась от княжеских междоусобий. Достоинно замечания, что в этой земле княжило сразу несколько князей, братьев и племянников Юрия, но все они действовали заодно. Все они управляли в согласии с народом, и самая власть их зависела от народа... Это был период благосостояния Восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русские не нуждались более в иностранных мастерах; у них были свои зодчие и иконописцы. Вместе с тем распространялось там и книжное просвещение... Время Юрия было также периодом значительного расширения Руси на северо-востоке... Русские двигались по Волге, вошли в землю Мордовскую и при слиянии Оки с Волгой основали Нижний Новгород».

Однако существует и другая мощная «струя», обливавшая и обливающая грязью мощную фигуру Георгия Всеволодовича. Истоки этой традиции нетрудно отыскать в летописании Великого Новгорода и Рязани, которые состояли в очень сложных отношениях с Владимиро-Суздальской землей, а их летописцы, мягко говоря, не отличались комплиментарностью в отношении владими́ро-суздальских князей. Эти настроения усилились в XV веке, когда Великий Новгород испытывал серьезное давление со стороны Москвы, где правили потомки брата Георгия – Ярослава Всеволодовича.

Критический настрой в отношении Георгия Всеволодовича проявился в трудах ряда первых профессиональных историков, таких как «История Российская» Василия Никитича Татищева. Двойственность в оценке фигуры Георгия Всеволодовича заметна была у Николая Михайловича Карамзина: «Георгий в безрассудной надменности допустил Татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты Государства; но он имел добродетели своего времени: любил украшать церкви, питал бедных, дарил Монахов – и граждане благословили его память. Ко славе Государя, попечительного о благе народном, Великий Князь присоединил и славу счастливого воинского подвига».

По стопам Татищева и Карамзина пошли историки XVIII–XX веков, задаваясь вопросами, которые звучали как обвинения: почему Георгий Всеволодович занял великокняжеский престол во Владимире в обход старшего брата Константина, что привело к междоусобице и кровопролитной битве на Липице в 1216 году? Почему он не привел свои войска на Калку в 1223 году, чтобы дать отпор татаро-монголам? Почему он не помог рязанским князьям, когда монголы в 1237 году напали на Рязанское княжество? Почему великий князь оставил столицу княжества Владимир, когда к ней шли орды Батые? Были и другие вопросы. Почему большая страна, Древняя Русь, пала под ударами монголов? И при ответе на этот вопрос немало авторитетных историков указывали перстом на великого князя Владимирского Георгия Всеволодовича.

В Советском Союзе критическая позиция была подхвачена видным советским академиком Борисом Дмитриевичем Грековым в совместном труде с членом-корреспондентом АН СССР Александром Юрьевичем Якубовским «Золотая Орда и ее падение», да и академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Из их книг можно было сделать вывод, что князь чуть ли не «подвел» Русь под Батиево нашествие неумением подготовить отпор захватчикам. Его действия (или бездействие) после этого широко использовались в научных и популярных изданиях и учебниках как образцовые примеры отрицательных последствий феодальной раздробленности.

Лев Николаевич Гумилев, обладавший самым смелым воображением из всех известных российских историков, утверждал: «К несчастью, владимирский князь Юрий Всеволодович

был недалеким политиком и скверным полководцем. Еще в 1210-х годах он истощил силы своего княжества в распрях с собственным дядей, поддержанным новгородцами... Юрий не сделал ничего из того, что должен был сделать полководец, ведущий войну с умелым и сильным врагом».

Многие современные исследователи столь же беспощадны к Георгию Всеволодовичу. Андрей Петрович Богданов из Института российской истории РАН полагает, что поведение Георгия во время нападения монголов «не соответствовало обстоятельствам... Ни лет, прошедших с битвы на Калке, ни месяцев с начала нашествия великому князю на подготовку не хватило».

Жестким критиком Георгия Всеволодовича выступает петербургский историк и искусствовед Денис Григорьевич Хрусталеv, который утверждает: «Юрий Всеволодович попался практически на все военные хитрости Батые. Он и отказался от вооруженной поддержки соседних княжеств, и переоценил искренность монгольских мирных инициатив, и неверно распределил свои военные ресурсы... В довершение ко всему владимирский князь провалил и дипломатическую подготовку к войне с монголами». Он избрал оборонительную тактику, которая «требовала полного отказа от помощи соседним властителям и государствам, что Юрий и сделал, бросив на произвол судьбы как новых союзников, так и старых вассалов», «предал рязанцев», «бросил верного вассала на неминуемую гибель». «Неизвестно, на что надеялся князь Юрий Всеволодович, когда оставлял во Владимире жену и всех сыновей».

Примечательно, что негативное отношение к Георгию Всеволодовичу встречается и среди нижегородских краеведов. Так, один из них, профессор Филатов, утверждал: «При нападении монголо-татар на Русь ее верховный правитель князь Юрий Всеволодович проявил полную бездарность и беспомощность». Неприязнь Филатова к Георгию Всеволодовичу так велика, что он даже отказывает князю в праве считаться основателем Нижнего Новгорода.

Знания подавляющего большинства людей об истории – из школы. Что же российские школьники узнают о Георгии Всеволодовиче? Немного. В наиболее массовом учебнике под редакцией Анатолия Васильевича Торкунова он упоминается только в связи с событиями 1237–1238 годов: «Рязанский князь обратился за помощью к великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу, но тот направил лишь небольшую дружину во главе со своим младшим сыном Всеволодом на защиту важной рязанской крепости Коломны». И далее: «Великий князь Юрий после падения Рязани отправился на север собирать войско, а оборону города возглавил воевода Петр Ослядькович... Чудом оставшиеся в живых пробирались на север, на реку Сить, в стан Юрия Всеволодовича. Решив, что у него уже достаточно сил для разгрома завоевателей, князь приготовился к сражению. Юрий был опытным полководцем, но недооценил противника. В марте 1238 г. монголы неожиданно атаковали русское войско и полностью разгромили его. В бою погиб и великий князь. Престол занял его брат Ярослав Всеволодович». Все.

Может быть, о Георгии Всеволодовиче больше знают российские студенты? Берем самый толстый учебник отечественной истории, который используют для преподавания в наиболее продвинутых вузах (не на истфаках), под редакцией члена-корреспондента РАН Андрея Николаевича Сахарова. Вся полнота информации о Георгии такова. Старевший князь Всеволод Большое Гнездо хотел передать владимирский престол старшему сыну Константину, но тот не захотел покидать Ростов, с которым тесно связал судьбу. «Поскольку это могло нарушить всю политическую ситуацию в княжестве, Всеволод при поддержке своих соратников и церкви передал престол второму по старшинству сыну, Юрию, наказав ему оставаться во Владимире и отсюда управлять всей Северо-Восточной Русью». После смерти Всеволода «Юрию не сразу удалось взять власть над старшим братом. Последовала новая междоусобица, продолжавшаяся целых шесть лет, и только в 1218 г. Юрий Всеволодович сумел овладеть престолом. Тем самым была окончательно нарушена старая официальная традиция наследования власти по старшинству, отныне воля великого князя-«единодержца» стала сильнее, чем бывшая «старина».

Северо-Восточная Русь сделала еще один шаг к централизации власти. В борьбе за власть Юрий, однако, вынужден был пойти на компромисс со своими братьями».

Отметим, что даже в этой короткой информации содержатся – помимо неточностей – фактические ошибки. Не разбирая всего, замечу только, что усобица продолжалась четыре года, а не шесть, и Георгий овладел престолом после смерти Константина и по его воле именно как старший из братьев, не нарушая никакой традиции. Также не соответствует действительности и следующее упоминание о Георгии Всеволодовиче в учебнике: во время битвы на Калке «в помощи отказал могущественный Владимиро-Суздальский князь, сын Всеволода Большое Гнездо Юрий Всеволодович. Он, правда, пообещал прислать ростовский полк, но тот не появился».

Два последних замечания о Георгии в учебнике выглядят так. Когда татаро-монголы подошли к Владимиру, «великий князь отправился на север собирать новую рать. Во главе обороны города остался его старший сын». Затем на реке Сить татаро-монголы обрушились на русское войско. «Юрий даже не успел изготовить его к битве. Тем не менее сражение было очень упорным. Окруженные татарами русские полки сражались отчаянно, многие воины были убиты, захвачены в плен. Сложил здесь голову и великий владимирский князь». Больше о Георгии Всеволодовиче ни слова.

Заметим, ни в школьном, ни в вузовском учебниках вообще не упоминается факт основания Нижнего Новгорода.

Итак, список претензий и обвинений в адрес Георгия Всеволодовича у его критиков и обличителей весьма внушителен и серьезен. И он же образует список подвопросов, на которые тоже предстоит ответить.

Один из них носит общий стратегический характер. Действительно ли, будучи самым влиятельным, главным князем Руси, Георгий Всеволодович не способствовал ее государственной консолидации и обеспечению обороноспособности перед лицом предстоявшей монголо-татарской агрессии?

Другие вопросы менее масштабны, но не менее значимы. Правда ли, что он занял владими́ро-суздальский престол вопреки старшинству, чем спровоцировал войну с родичами и способствовал феодальной раздробленности? Правда ли, что он бессмысленно положил в битве на Липице больше 9 тысяч русских воинов, которые пригодились бы в битвах с монголо-татарами? Правда ли, что Георгий Всеволодович не оказал помощи князьям юга во время первого нашествия монголов и битвы на Калке в 1223 году? Правда ли, что он проигнорировал военные приготовления монголо-татар к нападению на Русь? Не помог Рязанскому княжеству, первым подвергнутому монгольскому нападению в конце 1237 года? Не обеспечил оборону Владимира, бросил его на произвол судьбы? Беспечно и трусливо проиграл битву на Сити? Правда ли, что Георгий Всеволодович – бездарный политик и государственный деятель, который к тому же не имел никакого отношения к освоению нижегородских земель и основанию Нижнего Новгорода? Какова была логика его политики и могла ли она быть иной?

В отношении ранней истории Нижнего Новгорода существует также много разногласий. Оспаривается дата его основания. Спорят, был ли на месте Нижнего Новгорода до 1221 года мордовский, болгарский или какой-то иной город (или крупное поселение)? Предшествовал ли Новому городу «Старый город» и где он располагался? Какую роль в основании Нижнего сыграли Георгий Всеволодович, епископ Симон и другие исторические персонажи?

Известно, что Нижний Новгород был не первым русским городом на Нижегородской земле, ему предшествовал Городец, вокруг истории которого тоже сломано немало копий. Кто его заложил и когда? Среди основных претендентов на титул основателя Городца столь заметные фигуры русской истории, как Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский. Были ли ранее на месте Городца другие поселения? Почему город так и остался, по сути, без названия, «маленьким городком»? И почему его нередко называли Городец Радилов?

Что же, давайте разбираться. Придется поспорить с некоторыми из великих историков.

Автор выражает искреннюю признательность Татьяне Борисовне Сухой и Светлане Алексеевне Трубниковой, без которых этот труд никогда бы не увидел свет. И выдающимся историкам Николаю Сергеевичу Борисову, Борису Моисеевичу Пудолову и Андрею Александровичу Кузнецову, взявшим на себя труд указать на все авторские огрехи.

Глава 1 «Бысть от Суздаля»

Вотчина Мономашичей

«Нижегородское и Городецкое княжение бысть от Суздаля». Очень точное замечание нижегородского летописца. Ранние летописные свидетельства о происходивших в районе Поволжья событиях связаны с подъемом Ростово-Суздальской Руси, с проникновением восточных славян в район междуречья Оки и Волги, ведением ими активных военно-дипломатических отношений с соседями – мордвой и волжскими булгарами.

Верхняя Волга и Нижняя Ока с их притоками рано подпали под власть Руси. Еще основоположник первой русской династии Рюрик в IX веке направил в Ростов, самый древний город будущего Владимиро-Суздальского княжества, своих воинов.

А первым киевским князем, посетившим нижегородскую землю, если верить «Повести временных лет», был внук Рюрика Святослав Игоревич, и произошло это в 964–966 годах. Направился он «на Оку-реку и на Волгу и, встретив вятичей, сказал им: “Кому дань даете?” Они же ответили: “Хазарам – по щелягу от рала даем”. Пошел Святослав на хазар. Услышав об этом, хазары вышли навстречу со своим князем Каганом, и сошлись биться, и одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил». Как мог князь миновать нижегородские края, пойдя на «Оку-реку и на Волгу»?

Уважаемые исследователи русских древностей академики Алексей Александрович Шахматов и Дмитрий Сергеевич Лихачев сомневались в том, что маршрут был указан правильно. Летописец помещал вятичей на Оку, кривичей – в верховье Волги, а на место впадения в нее Оки – мурому, черемисов и мордву. Поселения вятичей, и это подтверждает археология, не доходили до Волги. Академики были уверены: поход Святослава на хазар проходил по более южному маршруту – через Дон, в нижнем течении его и находился Саркел, который русские называли Белой Вежей. Может быть, и так. А может быть, и нет...

Проникновение славян в Верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье в заметных масштабах началось в то время, когда Киев и Новгород уже объединились и возникло обширное государство Русь. Это было северо-восточное пограничье, далекая периферия, неосвоенные лесные пространства, слабо заселенные финно-угорскими народами. «А по реке Оке, где она впадает в Волгу, мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке», – читаем в «Повести временных лет».

Академик Сергей Федорович Платонов утверждал: «Колонизационное движение Руси по Волге – явление очень древнее: на первых же страницах летописи мы встречаемся с городами Суздалем и Ростовом, появившимися неизвестно когда. Откуда, т. е. из каких мест Руси, первоначально шла колонизация в суздальском крае, можно догадаться по тому, что Ростов политически всегда тянул к Новгороду, составлял как бы часть новгородского княжества. Это дает повод предположить, что первыми колонистами на Волге были новгородцы, шедшие на восток, как и все русские колонизаторы, по рекам... Во всяком случае нет достаточных оснований отрицать, что первыми русскими колонистами в суздальской Руси могли быть новгородцы».

Словене – новгородцы, которые расселялись, спускаясь по воде от озера Ильмень, называли все, что было по течению Волги ниже устья реки Мологи (сейчас там город Весьегонск Тверской области на Рыбинском водохранилище), Низовской землей, или «Низом», отмечал основоположник нижегородского краеведения Николай Иванович Храмцовский.

Славянское население складывалось из потоков бывших словен, кривичей, вятичей на земли, где ранее расселились финно-угорские племена: веси – на Белом и Онежском озерах, мери – на месте будущих Ростова и Ярославля, мордва – на юго-востоке, черемисы – ближе к устью Оки.

Волга, Ока и их многочисленные притоки пересекали край во всех направлениях, образуя транспортные артерии и естественные рубежи. Край был лесным, полутаежным, среди него раскинулись «озера многие», в том числе окутанные легендами (Светлояр, Нестияр, Кузьмийар). Реки и озера изобиловали рыбой, леса – «зверьми разноличными» и «птицы бесчисленные».

Волго-Окское междуречье и Киев были разделены непроходимыми лесными массивами. Отгороженность лесом объясняет еще одно название Северо-Восточной Руси – Залесская земля. Леса отделяли Залесье и от соседей на востоке и юго-востоке, оберегая от кочевников южнорусских степей.

Вначале государственная территория Руси на северо-востоке имела размытые границы, и возникали лишь намеки на административное деление и управление, связанное в первую очередь с потребностями сбора дани. Ростов Великий, расположившийся на берегу озера Неро, становится административным центром окраинных северо-восточных земель Руси. По имени главного города вся земля называлась Ростовской. На западе ее территория доходила до левого притока верхней Волги – реки Медведицы, на юге ростовским было среднее течение реки Клязьмы.

Как замечал академик Борис Александрович Рыбаков, учивший меня ранней российской истории в МГУ, в XI веке «уже существовали города Ростов, Суздаль, Муром, Рязань, Ярославль и др. В черноземных районах Суздальщины богатело местное боярство, имевшее возможность снабжать хлебом даже Новгород».

Верховными собственниками северо-восточных земель были южнорусские князья.

Со времен Святослава Игоревича политической традицией становится назначение сыновей великого князя руководителями отдельных земель страны – по старшинству, в соответствии со значимостью того или иного региона – с правом самостоятельного сбора дани, в том числе для передачи в столицу. Этот тип управления закрепляется Владимиром Святославовичем (годы правления 980–1015), который сам княжил в Киеве, а власть на местах принадлежала его сыновьям. Когда умирал старший из братьев, его княжество теоретически переходило следующему за ним по старшинству, и все остальные братья перемещались на одну иерархическую ступеньку вверх, получая более престижное княжение. Такая система позволяла сохранять государственное единство, но была чревата серьезной враждой, особенно в случае смерти великого князя Киевского, за престол которого разгоралась борьба между его братьями и сыновьями.

Как указывает Владимир Андреевич Кучкин из Института российской истории РАН, ведущий специалист по ранней истории Волго-Окского междуречья, с XI века «в Ростове правит один из сыновей киевского князя. Опираясь на дружину и административный аппарат, княжич осуществлял здесь политику Киева, устанавливал дань с местного населения, привлекал его к исполнению разного рода повинностей, в частности, по строительству и укреплению городов, подчинял население общим публично-правовым нормам и обеспечивал их выполнение, совершая суды и расправы. Он также обязывал население нести военную службу. В Киев ростовский князь должен был отсылать часть собранной дани и помогать вооруженной силой в случае внешнеполитической опасности... Строительство южнорусскими князьями на Северо-Востоке городов и церковью показывает, что от этих князей исходило и наложение соответствующих повинностей на местное население... Высшая власть принадлежала отцам, княжившим в Киеве, Чернигове, Переяславле».

По политическому завещанию, оглашенному Ярославом Мудрым в 1054 году, Русская земля была поделена между его сыновьями, что стало нарушением прежде существовавшего порядка престолонаследия. Четвертый из них – Всеволод, отец Владимира Мономаха – получил в управление Переяславль-Южный (Русский), а также Ростов, Суздаль, Белоозеро и «Поволжье», то есть земли в верховьях Волги. По итогам междоусобицы, последовавшей после смерти Ярослава Мудрого, Всеволод сохранил эти владения.

В Переяславле-Южном при дворе Всеволода прошли детство и юность Владимира Мономаха, затем посаженного на ростовское княжение в 1066–1073 годах. Его резиденцией там стал Суздаль, где он возвел крепость. Рядом с Суздалем находились села, которые епископ Переяславля Южного Ефрем передал киевскому Печерскому монастырю, что свидетельствовало о распространении в конце XI века на Северо-Восток влияния южнорусских духовных властей.

Когда Всеволод Ярославич стал киевским князем (1076–1093), он первым использовал титул «князя всея Руси». Ему наследовал в Переяславле-Южном и землях Северо-Востока его сын Владимир Мономах. Когда Мономах правил Переяславским княжеством (в 1094–1113 годах), он неоднократно посещал Ростово-Суздальскую землю.

Рыбаков так рассказывал о развитии Северо-Восточной Руси: «Настоящее окняжение этих областей началось с Владимира Мономаха, который еще мальчиком должен был проехать “сквозе Вятиче”, чтобы добраться до далекого Ростова. Те долгие годы, когда Мономах, будучи переяславским князем, владел и Ростовским уделом, сказались на жизни Северо-Востока. Здесь возникли такие города, как Владимир-на-Клязьме, Переяславль, названный в отличие от южного Залесским, сюда были перенесены даже названия южных рек. Здесь Владимир строил новые города, украшал их зданиями, здесь он вел войну с Олегом “Гориславичем”, здесь, где-то на Волге, писал свое “Поучение”, “на сених сидя”. Связь Суздальщины с Переяславлем Русским... продолжалась на протяжении всего XII столетия».

Борьба за власть между сыновьями и внуками Ярослава Мудрого, в которой принимали участие и половецкие отряды, закончилась в 1097 году княжеским съездом в Любече, где окончательно восторжествовал принцип: «Каждый да держит вотчину свою». Помимо прочего, было официально подтверждено: «Суздальская земля» – вотчина Мономаха. Земля полностью попала в орбиту влияния Владимира и его потомков.

При этом «вотчина» вовсе не означала «владение». Она означала прежде всего нравственное право князя править там, где руководили его предки. Тем не менее был дан импульс дроблению единой страны на самоуправлявшиеся княжества с собственными династиями.

Когда Владимир Мономах стал великим князем Киевским (1113–1125), Ростовское княжество оставалось главной направляющей силой и основным источником русской колонизации Поволжья. Это продвижение на восток приводило к неизбежным столкновениям как с местными племенами, так и с более серьезным соперником – Волжской Булгарией.

Храмцовский писал: «К востоку ближайшими соседями были мордовские племена, управляемые в то время, как полагают некоторые, своими независимыми князьями; по другим же сведениям, мордва находилась под влиянием болгар. Мордва делилась на три племени: эрзя, мокша и каратаи и занимала все пространство от устья Оки до вершин рек Суры, Вороны и Цны. Племя эрзя было самое многочисленное и ближайшее к границам земли Низовской; оно жило селениями в пределах нынешней Нижегородской губернии, по рекам Волге, Оке, Кудьме, Пьяне, Теше, Суре и Алатырю. Главное сельбище его (столица) было Эрземас – нынешний уездный город Арзамас.

Далее, за мордвою, по рекам Волге и Каме, жили болгары. Этот народ был цивилизованнее и богаче своих соседей: при воинственности своей он занимался торговлей и искусствами...»

Волжская Булгария – мусульманское государство, занимавшее в IX–XIII веках земли на Средней Волге и Каме. Ислам проник сюда еще в начале X века, и известно, что пропо-

ведники из Волжской Булгарии добирались до Киева, пытаясь склонить еще киевского князя Владимира к принятию своей веры. О взаимоотношениях Булгарии и Руси в X–XI столетиях известно совсем немного. Но очевидно, что с X века начались войны между двумя государствами. «Болгарская опасность висела над Владимиро-Суздальской землей на всем протяжении ее существования, – замечал историк этой земли Юрий Александрович Лимонов. – Несмотря на довольно прочные торговые контакты, существовала постоянная военная угроза. Если Киеву угрожали на протяжении столетий половцы, то центру русской государственности на северо-востоке все время угрожала Волжская Булгария...»

Столкновения перемежались мирными периодами. Именно через Булгарию в Суздаль и Ростов – а оттуда и в другие города Руси – попадали многие дефицитные восточные товары. И русские, и болгары старались поставить под свой контроль торговые пути по Волге и доступ к пушным богатствам Севера, находившийся под контролем болгар.

Понятно, что и Булгарское государство стремилось к расширению своих пределов. Побывавший в Волжской Булгарии в 1135–1136 годах гренадский мавр Абу Хамид ал-Гарнати сообщал, что болгары взимали дань (харадж) с веси, обитавшей у Белого озера, и вели оживленную торговлю с Югрой. Булгария проявляла значительный интерес к племенам, населявшим огромное пространство от Белого озера на западе до рек Печоры и Оби на востоке. Земли Северо-Восточной Руси неоднократно подвергались нападениям болгар. Так, в 1088 году они захватили Муром, а весной 1104 года муромский князь Ярослав Святославович потерпел поражение от мордвы, союзников болгар.

В 1107 году болгары напали на Суздаль. «Пришли болгаре ратью на Суздаль и обступили град и много зла сотворили, воюя села и погосты и убивая многих христиан».

«Каким же путем болгары достигли Суздаля?» – спрашивал Кучкин. И отвечал: «Во всяком случае, не с севера, со стороны Волги, где необходимо было преодолеть сопротивление Ярославля и главного города земли – Ростова. Иной путь из Волжской Булгарии к Суздалью шел по рекам Волге, Оке, Клязьме и Нерли Клязьменской. Им, несомненно, и воспользовались болгары в 1107 г. Это была старая торговая дорога, соединявшая обитателей Волго-Окского междуречья с народами Среднего Поволжья и далее со странами Востока». Отсутствие русских укреплений и городов по рекам Нерли и Клязьме и та легкость, с которой болгары подошли тогда к Суздалью, заставляют Кучкина полагать, что «племена мордвы и мешеры, жившие по нижнему течению рек Оки и Клязьмы, находились в указанное время в вассальной зависимости от государства волжских болгар».

Владимир Мономах предпринял ряд серьезных ответных мер. Он заключил союз с половцами, чьи кочевья доходили до юга современной Нижегородской области. Затем князь сам приехал в Суздаль. «Самим фактом своего присутствия здесь Мономах должен был восстановить пошатнувшийся порядок, “устроить” землю, предотвратить возможность повторения прошлогодней трагедии», – писал его биограф (как и биограф почти всех ведущих князей Древней Руси) Алексей Юрьевич Карпов.

Важнейшим результатом визита Мономаха стало основание в 1108 году нового города на реке Клязьме, которому князь дал свое имя – Владимир. В отличие от древнего Владимира-Волынского его называли также Владимиром-Залесским. Этот новый город станет одним из главных оплотов княжеского влияния в Северо-Восточной Руси, южным форпостом Ростовской земли, прикрывавшим ее со стороны черниговского порубежья, а также мордвы и болгар.

В XII веке начался и быстрый рост населения Владимиро-Суздальской земли, связанный с миграцией не столько из Новгородской республики, сколько с юга. Матвей Кузьмич Любавский, академик и ректор Московского университета, писал, что «под влиянием княжеских усобиц и половецких набегов к концу XII века произошло новое размещение русского населения. Это население разбилось географически, отхлынув от Приднепровья, где оно прежде главным

образом сосредоточивалось, и уйдя либо в Суздальскую землю, либо в Галицко-Волынскую и отчасти в Смоленскую».

Последующая колонизация Ростовской Руси, подтверждал Платонов, шла «с юга от Киева. Сообщение Киева с Суздальской землей в первые века русской жизни совершалось кругом – по Днепру и верхней Волге, потому что непроходимые леса вятичей мешали от Днепра прямо проходить на Оку, и только в XII веке являются попытки установить безопасный путь из Киева к Оке; эти попытки и трудности самого пути остались в памяти народа в рассказе былины о путешествии Ильи Муромца из родного села его Карачарова в Киев. Со второй половины XII века этот путь, сквозь вятичей, устанавливается и начинается заметное оживление Суздальского княжества, туда приливается население, строятся города, и в этой позднейшей поре колонизации замечается любопытное явление: появляются на севере географические имена юга (Переяславль, Стародуб, Галич, Трубеж, Почайна) – верный признак, что население пришло с юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпос; факт, что былины южнорусского цикла сохранились до наших дней *на севере*, так же ясно показывает, что на север перешли и сложившие их».

При этом археологические данные свидетельствуют и о продолжавшемся, причем в более широких масштабах, перемещении на северо-восток кривичей с запада и вятичей с юго-запада.

Взрывной рост населения сопровождался экономическим подъемом, освоением все новых пространств и ростом политического влияния Северо-Востока. Это дало многим авторитетным ученым основания для выводов о том, что чуть ли не столица Руси переместилась на север, а князья Северо-Востока обрели общерусское доминирование. Профессор из МГУ и Института российской истории РАН Антон Анатольевич Горский обращает внимание: «Если раскрыть едва ли не любой обобщающий труд по русской истории, можно встретить утверждение, что с середины – второй половины XII века место Киева в роли главного центра Руси занимает Владимир-на-Клязьме, столица Северо-Восточной Руси (так называемого Владимиро-Суздальского княжества, в реальности именовавшегося “Суздальской землей”)... Если и не говорится прямо о переходе статуса главного центра Руси от Киева к Владимиру, то уж во всяком случае рассматривается как нечто несомненное, что Суздальская земля была в XII – начале XIII столетия сильнейшей из русских земель».

Ключевский был уверен: «Суздальская область, еще в начале XII века захолустный северо-восточный угол Русской земли, в начале XIII века является княжеством, решительно господствующим над остальной Русью. Политический центр тяжести явственно передвигается с берегов среднего Днепра на берега Клязьмы. Это передвижение было следствием отлива русских сил из среднего Поднепровья в область верхней Волги».

Раз так, то Владимиро-Суздальский князь (включая Георгия Всеволодовича) должен рассматриваться едва ли не как царь, хозяин всей Древней Руси. Но подобное представление страдает явным преувеличением. Уже в XII столетии на основе «волостей» единой Руси сложилось тринадцать образований, которые начали называться «землями». Девять из них управлялись определенными ветвями рода Рюриковичей, а внутри земли столы распределялись между представителями одной ветви. Раньше других обособилось в династическом отношении Полоцкое княжество, за ним Галицкая земля. С вокняжения в Ростове сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого началось обособление Ростово-Суздальской земли, дальше свои династии обрели княжества Черниговское, Муромское, Рязанское, Смоленское, Волынское, Турово-Пинское.

Антон Горский утверждает: «В отличие от девяти названных княжеств, четыре земли не закрепились в XII веке за какой-то определенной княжеской ветвью. Одной из них было Киевское княжество. Номинально киевский стол продолжал считаться “старейшим”, а Киев столицей всей Руси... Другим “общерусским” столом был новгородский. Если в X – XI веках его занимал, как правило, сын киевского князя, то в XII столетии усилившееся новгородское

боярство стало оказывать решающее влияние на выбор князей и ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепиться в Новгороде. По-видимому, аналогичная система сложилась к середине XII века в Пскове, ранее входившем в Новгородскую волость... Не стало отчиной определенной ветви и Переяславское княжество».

Юрий Долгорукий – основатель Городца?

Еще при жизни Владимира Мономаха ростовским князем становится его старший сын от второго брака Юрий Долгорукий. Свидетельствует Киево-Печерский патерик: «И был послан от Владимира Мономаха в Суздальскую землю сей Георгий». Ипатьевская летопись под 1125 годом сообщает о его присутствии вместе с братьями в Киеве на погребении отца, после чего «сыновья его разошлись каждый в свою волость». Следовательно, у Юрия была «волость».

Сажая малолетнего Юрия в Ростове, Мономах оставил при нем киевского боярина Георгия Шимоновича, который и вершил там дела. Юрий еще при жизни отца построил в Суздале церковь, и позднее именно Суздаль становится резиденцией Долгорукого (возможно, Мономах, передав Ростовскую землю сыну, посадил его в Суздале, а главный город волости – Ростов – сохранил за собой).

Безусловно, по поручению отца Юрий Долгорукий отправился в поход на Булгарию в 1120 году. Киевский летописец рассказывает (это вообще одна из очень немногих записей о событиях Северо-Восточной Руси того периода): «В лето 6628 (1120/21) Георгий Владимирович ходил на болгары по Волге, и взял полон большой, и полки их победил, и, воевав, пришел в здравии с честью и славою». С точки зрения нижегородской истории интересен маршрут похода.

«Начав поход, Юрий предпочел более короткому пути на болгар из Ростово-Суздальской земли по рекам Нерли Клязьменской, Клязьме и Оке кружной путь по р. Волге, отчасти, возможно, потому что в нижнем течении Клязьмы и Оки он мог встретить сопротивление или просто недружественный прием со стороны местных племен», – считал Кучкин.

Отметим замечание профессора ННГУ, председателя общества «Нижегородский краевед» Федора Александровича Селезнева: «Наверняка, когда русская рать плыла по Волге, Георгий Шимонович обратил внимание Юрия на то место, где, обычно низкий, левый берег реки высок, как и напротив Киева, где стоял город Городец Песочный. Через много лет на этом месте Юрий Долгорукий основал город с таким же названием – Городец Волжский». Оставим это замечание пока без комментариев.

Поход был успешным, хотя неизвестно, как далеко проник Юрий в болгарские владения. «Думается, ростовский князь едва ли решился тревожить основные центры Булгарии, хотя и опирался не только на силы своей волости, но, судя по всему, также на киевскую помощь, – считает Кучкин. – ... Поход 1120 г. был единственной активной операцией воинственного Юрия против своих восточных соседей. Впоследствии он охотнее действовал на западе и на юге, чем на востоке. Очевидно, серьезное столкновение с Волжской Булгарией было еще не по силам ростово-суздальским феодалам и их князю. Характерно, что широкая строительная деятельность Юрия, если судить о ней на основании письменных источников, не охватывала территории восточнее р. Нерли Клязьменской.

Во времена самостоятельного княжения Юрия Долгорукого ростовцам и суздальцам, по-видимому, чаще приходилось отбиваться от болгар, чем вести против них активные наступательные операции».

Но столь же очевидно и другое. «Это первая победа, одержанная войсками, выступившими из Северо-Восточной Руси, – подчеркивает Алексей Карпов. – Именно после нее инициатива в борьбе за преобладание в регионе постепенно начнет переходить к суздальским, а затем владими́ро-суздальским князьям. Но, конечно, далеко не сразу».

Предпочтение, отданное Юрием Долгоруким Суздалю, превратило этот город к середине XII века в столицу княжества, и вся земля начинает называться не Ростовской, а Суздальской, впрочем, в отношении Северо-Восточной Руси используется несколько наименований, некоторые из них можно встретить и в летописях: самое древнее – Ростовское княжество

(земля), затем – Суздальское княжество (земля), с середины XII века – Владимирское княжество (земля), позднее – Владимиро-Суздальское княжество.

Суздальское княжество Юрия Долгорукого приобретает автономность: оно уже не зависит от Киева, не отправляет туда часть собираемой дани, не подчиняется распоряжениям киевских князей, и если посылает на юг свои войска, то в собственных целях и интересах. Государственные границы Ростово-Суздальского княжества начинают фиксироваться. Обособление княжества датируется по-разному: после смерти Владимира Мономаха в 1125 году (Кучкин), или в 1132–1135 годах (Рыбаков), или в 1130-е годы (Пашуто).

«Георгий властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни, – писал Карамзин. – Распространив там Веру Христианскую, сей князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли... оживил дикие, мертвые пустыни знаменами человеческой деятельности...»

Юрий стремился наверстать упущенное в городском развитии подведомственного региона. Одна из побудительных причин – наличие одиннадцати сыновей, которые как дети одного из младших Мономашичей могли рассчитывать на княжение лишь в городах Суздальской земли, а они были наперечет. Еще при жизни Долгорукий начал раздавать «грады в Суздальской земле» своим сыновьям. Появляются такие города, как Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Дмитров, Молога, Кснятин, Шоша, Дубна, Углич. Была основана Москва, впервые упоминаемая в летописи под 1147 годом. Она была порубежным городом, в нескольких десятках километров от которого находились уже рязанские, черниговские, новгородские и смоленские земли. Как фиксирует Ростовский свод 1534 года, в 1156 году Юрий Долгорукий посетил Ростово-Суздальское княжество, назначил там себе преемников и заложил «градъ Москвѹ», то есть приказал ее укрепить и придал статус города.

Но, заметьте, города строились на северо-западной, западной и южной окраинах Суздальщины, а вовсе не в восточной части Волго-Окского междуречья, что объясняется политическими приоритетами Юрия Долгорукого.

Он не порывал связей, то дружественных, то враждебных, с южными, западными и северо-западными областями. Опираясь на возросшую мощь своего княжества, Юрий стремился установить свой контроль над Киевом. И в конце концов это ему удалось. Был ли Юрий Долгорукий самым «главным» князем, а Суздальская земля – господствующей на Руси? Нет. Теоретически Юрий имел права на лучшие города Руси – Киев и Переяславль-Русский, поскольку там раньше правил его отец, Владимир Мономах. Но воспользоваться этим правом он мог только после ухода из жизни своих старших братьев – Мстислава, Ярополка и Вячеслава.

Поэтому Юрий вступил в борьбу за Киев только в 1147 году и боролся с переменным успехом со своим племянником Изяславом Мстиславичем. Вступив в эту борьбу, он укреплял свои позиции на юге, рассаживая и там своих сыновей. В 1149 году он посадил в Переяславле-Южном старшего сына Ростислава, в Вышгороде – Андрея, Белгороде – Бориса, Каневе – Глеба. Прочно утвердиться на киевском столе Юрию удалось только после смерти Изяслава в 1154 году, и он занимал его всего около четырех лет, уйдя из жизни в 1157 году киевским князем.

О приоритете, который Юрий отдавал Югу над Суздальской землей, говорит тот факт, что, утвердившись в Киеве, Долгорукий посадил старших сыновей вокруг себя, в Южной Руси, оставив Ростов и Суздаль на самых младших – Михаила и Всеволода (отца Георгия Всеволодовича).

Нет сомнения, что Киевское княжество для Юрия Долгорукого представляло большую ценность, чем Суздальское. Но бесспорно и то, что именно с его времен наметилось перемещение центра тяжести русской государственности на северо-восток.

В числе городов, основание которых связывается с именем и деятельностью Юрия Долгорукого, нередко называется и Городец-на-Волге.

Как правило, это событие соединяется с известным по летописям нашествием булгар на Суздальскую землю в 1152 году. Тогда булгары «пришли... по Волге к Ярославлю без вести и обступили город в ладьях», так что «нельзя пешком было выйти из города». Положение спас своевременный подход к Ярославлю ростовской рати. Личного вмешательства Юрия Долгорукого не потребовалось. Кстати, этот болгарский набег оказался последним не только в княжение Юрия Владимировича, но и вообще в истории Северо-Восточной Руси. В дальнейшем инициатива в противостоянии с Булгарией окончательно перейдет к русским князьям.

Версию об основании Городца Юрием Долгоруким в 1152 году поддерживают многие авторитетные историки. Еще Татищев приводил длинный список городов, которые якобы основал великий князь Юрий Владимирович Долгорукий. Этот список включал в себя не только Владимир, Ярославль, Кострому, Вышгород, Галич, Добрянск, Дорогобуж, Звенигород, Перемышль, Ростиславль, Стародуб, Углич, Юрьевец, но и Городец.

В последующих дореволюционных исследованиях определенности в отношении основания Городца не было. Александр Евгеньевич Пресняков просто констатировал: «Первое летописное упоминание о нем относится к 1172 году, и построен он, вероятно, либо Всеволодом Юрьевичем или Андреем Боголюбским, либо еще их отцом Юрием Долгоруким. В XII и начале XIII века Городец – опорный пункт поволжских отношений и действий владимирских великих князей».

Число авторов, считающих Юрия Долгорукого основателем Городца, выросло уже в советское время. Уральский и нижегородский краевед Леонид Михайлович Каптерев (проведший полтора десятилетия в ГУЛАГе) уверял, что основание Городца «относится к 1152 году и приписывается энергичному строителю русских городов в Верхнем Поволжье – суздальско-владимирскому великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому. Его длинная рука протянулась и туда, где, по преданию, стояло черемисское (марийское, вероятнее – мещерское) селение Малый Китеж, расположенное между Волгой и одноименным озером – в середине современного Городца. Наименование свое Волжский Городец получил в память принадлежавшего Юрию Днепровского Городца, откуда он был изгнан своим племянником Изяславом. Возможно, впрочем, что на месте Городца или же рядом находилось уже более раннее русское поселение, потом слившееся с новым городком, на что указывает двойное имя Городец-Радилов (или Радислав)». Более того, считал Каптерев, «устроив и укрепив Городец, Юрий Долгорукий «посадил» сюда своего сына Мстислава-Василия – первого городецкого удельного князя (1155–1171 гг.)». Откуда он взял такую информацию, Каптерев не сообщал.

Известный археолог и искусствовед Николай Николаевич Воронин относил к заслугам Долгорукого создание Перемышля, Звенигорода, Кидекши, Микулина и Городца-на-Волге. Не менее авторитетный археолог Александр Филиппович Медведев, производивший в Городце раскопки, считал, что он был заложен в 1152 году, опираясь на текст поздней Супрасльской летописи: «А Кидешскую церковь поставил Борис Михалкович, сын брата Андреева Всеволода, и насыпал город Кидекшу, так же Городец на Волге».

От этой же записи отталкивался и Филатов, который утверждал: «В “Супрасльской” и “Никифоровской” летописях сообщается о двух одновременных событиях: о создании насыпных валов в расположенной в трех километрах от Суздаля при слиянии речки Каменки с Нерлью Кидекши и об основании Городца на Волге (Радилова). О строительстве в новонасыпной Кидекше Борисоглебского белокаменного, существующего доныне храма русские летописи сообщают под 1152 годом: “Того же лета князь Юрь Володимировичь Мономаховъ Долгорукой въ Суздали постановилъ церковь камену Борисъ и Глебъ на Нерли”. Таким образом, датой основания Городца на Волге следует считать 1152 год. Названный в тексте Борис Михалкович являлся сыном брата Андрея Боголюбского Михалка Юрьевича. Своему племяннику Юрий

Долгорукий и поручил возведение крепости Кидекши, взявшей под контроль главный водный торговый путь по Каменке в Нерль, а далее – по Клязьме, Оке и Волге, из Суздаля».

Развернутую версию основания Городца Юрием Долгоруким приводит Селезнев: «Юрий Долгорукий решил затруднить булгарам путь к богатым пушниной местам. Для этого следовало взять под контроль устья рек Кострома и Унжа. Ниже устья Унжи начинался отрезок Волги, где было много мелей, перекатов и островков. Из-за них течение реки сильно замедлялось. В самом узком месте этого участка, на возвышенном левом берегу, Юрий Долгорукий повелел возвести город Городец...

Скорее всего, название этому городу было дано Юрием в память о Городце Остерском. Как раз в 1152 году непримиримый враг Юрия Долгорукого Изяслав Киевский сровнял этот город с землей, чтобы суздальский князь никогда не смог туда вернуться.

В 1152-м постройкой Городца на Волге руководил боярин Радил, отчего в одной из летописных статей он назван Городец Радилев. Крепость, возведенная Радилем в 1152 году, находилась в прибрежной части нынешнего Городца (там, где сейчас улицы Щорса, Кожанова и конец улицы Свердлова). Она расположилась на высокой горе, ограниченной двумя параллельно врезающимися в левый берег Волги оврагами. Старожилы до сих пор называют это место Княжьей горой. Оно было выбрано для закладки города не случайно. Внизу под горой бил родник и протекал ручей.

От нового города была проложена дорога к обжитым русским землям. Она прошла через теперешние Чкаловский район и Ивановскую область. Первым крупным населенным пунктом на ней тогда была Кидекша (Китеж).

Судя по данным раскопок археолога А. Ф. Медведева, изначальная городецкая крепость простояла лет 10–15, а потом была сожжена. Сделали это, скорее всего, булгары, которым Городец мешал свободно плавать по Волге».

Алексей Карпов оставляет вопрос о времени основания Городца открытым. В биографии Юрия Долгорукого он пишет: «По некоторым сведениям, именно в эти годы был заложен Городец Радилев, или просто Городец, на Волге... – в будущем главный форпост русского наступления на Волжскую Болгарию». А в биографии его сына Андрея Боголюбского уточняет: «По сведениям некоторых поздних летописей, Городец был построен еще во времена Юрия Долгорукого неким его племянником (или внуком?) Борисом Михалковичем: по мнению же большинства историков, город основал Андрей Боголюбский вскоре после своего победоносного похода на Волжскую Болгарию».

Так что же, время основания Городца установлено – 1152 год? Тем более что в 1952 году город уже официально отмечал свое 800-летие.

Не все так однозначно. Такая датировка вызывает не менее серьезные возражения ничуть не менее авторитетных историков.

Видный советский исследователь Древней Руси Арсений Николаевич Насонов приходил к выводу о том, что ростово-суздальских городов по Волге восточнее Ярославля в середине XII века вовсе не существовало. Летописи, фиксирующие все основные достижения Юрия Долгорукого, об основании Городца молчат. Запись о градостроительских успехах князя за 1152 год гласит: «И возвратился в Суздаль на свое великое княжение и, приидя, многие церкви создал: на Нерли – Святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и в свое имя город Юрьев заложил, называемый Польский, и церковь в нем каменную Святого Георгия создал, а во Владимире каменную же церковь Святого Георгия создал, и город Переяславль от Клещина (Плещеева озера. – В.Н.) перенес и создал больше старого, и церковь в нем поставил каменную Святого Спаса, а в Суздале поставил церковь каменную же Спаса Святого». Забыли про основание целого города? Могли, конечно... Но вообще подтвержденный в летописях перечень градостроительных проектов Юрия Долгорукого, если исключить связанное с ним первое упоминание Москвы под

1147 годом и упоминание о ее основании под 1156 годом, не столь внушителен: Юрьев, Дмитров, Кснятин, перенос на новое место Переяславля-Залесского.

Кучкин обращал внимание на то, что в 1152 году Юрия Долгорукого вообще не было в Суздальской земле: «То обстоятельство, что болгары были отражены не князем, а ростовскими феодалами, к которым обратились за помощью ярославцы, объясняется отсутствием Юрия Долгорукого, который в 1152 г. вместе с рязанцами и половцами воевал на юге».

Не обошел Кучкин вниманием и упоминавшееся свидетельство Супрасльской летописи. «Борис Михалкович, которого А. А. Шахматов предположительно принимал за сына Михалки Юрьевича, другим источникам неизвестен. Но даже если считать сообщение об укреплении Кидекши и Городца достоверным, нет никаких оснований приписывать это строительство Юрию Долгорукому. Супрасльская летопись совершенно определенно относит возведение обеих крепостей ко времени его внука. Откуда же появилась дата “1152 год”? Оказывается, она совершенно искусственно была выведена нижегородскими историками. Отправной точкой послужила потеря Юрием Долгоруким в 1151 г. Городца Остерского близ Киева. Вынужденный вернуться в Суздальскую землю, Юрий, по мнению этих историков, тут же заложил Городец на Волге в “воспоминание” утраченного южного Городца. Нечего и говорить, что никакой фактической основы такое заключение не имеет. На самом деле Городец был основан между 1164 и 1172 гг.».

Борис Моисеевич Пудалов, руководитель комитета по делам архивов Нижегородской области, всегда точный в использовании источников, еще более категоричен: «Мнение ряда краеведов о создании Городца в 1152 г. кн. Юрием Долгоруким не подкреплено историческими источниками и должно быть отвергнуто как ошибочное... Основанием для приписывания закладки Городца Юрию Долгорукому не может служить статья Супрасльской летописи белорусско-литовского происхождения, известия которой до 1310 г. опираются на новгородский источник... Филатов, переиздавший эту статью по более позднему варианту – Никифоровской летописи поставил впереди текста дату «1152 г.», которой нет в данном летописном известии. Недопустимость подобных произвольных подстановок дат очевидна и не требует комментариев... Вдобавок велика вероятность непонимания белорусским переписчиком XVI века древнерусского (новгородского?) протографа. В любом случае, сообщение Супрасльской летописи не позволяет рассматривать Городец как часть градостроительной деятельности Юрия Долгорукого и датировать основание города 1152 годом».

Татьяна Владимировна Гусева, ведущий нижегородский археолог, главный археолог и почетный гражданин Городца, добавила и такой немаловажный аргумент против 1152 года: для строительства и укрепления Городца «требовалось большое количество рабочих рук. Поскольку заволжский край в XII веке был заселен слабо, быстрое возведение укреплений возможно было только за счет труда пленников. Они могли появиться после успешных походов владимирских князей на Волжскую Булгарию. Таким походом можно считать поход Андрея Боголюбского в 1164 году».

Кузнецов подводил своего рода итог дискуссии: «Мнение ряда историков и краеведов (А. Ф. Медведева, Н. Ф. Филатова и других) о том, что Городец основан в 1152 г. Юрием Долгоруким, основанное на не вполне понятном сообщении Супрасльской летописи, не является достаточно аргументированным».

Стремление сделать более древней историю любого города или страны вполне объяснимо. Городец – не исключение. Логичное объяснение причине празднования его 800-летия в 1952 году предложила Гусева: пышные торжества по поводу празднования 800-летия основания Юрием Долгоруким Москвы в 1947 году. Это событие, сопровождавшееся приветствиями Сталина и других руководителей страны, обилием книг и статей, вмиг превратило Юрия Долгорукого в культовую фигуру. В такой обстановке свои юбилеи поспешили отметить все, кто мог прикоснуться к этой фигуре, в том числе Городец и Кострома. Исторические мифы,

легенды и тем более официальные юбилеи нередко имеют куда большее значение, чем исторические факты.

В настоящее время факты, похоже, берут верх. В современном иллюстрированном каталоге памятников Городецкого района читаем: «Точная дата основания Городца неизвестна. Первое достоверное упоминание о нем в русских летописях относится к 1171 г. Исследования ряда современных историков (Т. В. Гусевой, А. А. Кузнецова, В. А. Кучкина, Б. М. Пудалова) позволили сделать вывод о том, что Городец (вариант названия – Городец на Волге) был основан между 1164 и 1171 гг. после успешного похода владимирского князя Андрея Боголюбского против Волжской Булгарии (именно это обеспечило необходимое количество пленников для крупных объемов земляных работ по строительству укреплений города)».

Основание Городца, как представляется, следует относить не к 1150-м, а к 1160-м годам. Поэтому историю его основания перенесем в следующую главу. При этом нет никаких сомнений, что именно Городец является самым древним русским городом Нижегородской области.

Поход 1152 года болгар на Ярославль так и остался без ответа со стороны Юрия Долгорукого. Многочисленные летописные свидетельства о его градостроительной деятельности не говорят о городах восточнее реки Нерли. Очевидно, что Юрий, воевавший то с Черниговом, то с Новгородом, то с Киевом, был просто не в состоянии вести борьбу еще и на востоке с сильной Булгарской державой. Положение изменится, когда Андрей Боголюбский вынужденно откажется в начале своего правления от широких южнорусских планов отца.

Восточная политика Андрея Боголюбского

Летом 1154 года произошло во многом уникальное событие. Княживший в Вышгороде, поблизости от Киева, Андрей Боголюбский со свитой, домочадцами, духовником и ближайшей дружиной отправился на север. Отъезду, похоже, предшествовало драматическое объяснение с отцом – Юрием Долгоруким. В обозе отъезжавшего князя находилось, по одной из версий, то, что станет национальным и духовным символом Владимиро-Суздальской и Московской Руси – написанная в Византии великолепная икона Божьей Матери, которую вскоре назовут «Владимирской». Что вдруг заставило старшего Юрьевича вопреки воле отца отправиться в суздальские пределы?

Свой ответ предлагал самый знаменитый историк XIX века (тогда более знаменитый, чем Соловьев или Ключевский), друг Пушкина Михаил Петрович Погодин: «Ему надоели, кажется, эти нескончаемые, бесплодные войны за Киев; он посчитал, что его отцу, уже семидесятилетнему, недолго оставалось жить на свете, а после этой близкой смерти Киев ему достаться никак не мог при таком множестве соискателей, из которых иные имели и права гораздо больше... Борьба с ними со всеми, вместе или поодиночке, притом без права, не предвещала верного успеха, а трудов множество; в Суздальском же княжестве ожидало его владение обширное, почти бесспорное; он родился там или, по крайней мере, провел лучшие годы жизни, привык к земле, людям и обычаям».

Как бы то ни было, Андрей Боголюбский принял решение, прецедентов которому не находим в летописях. Он покидает отца – великого князя в момент его триумфа и уходит в «Суздальскую землю», отказываясь от своей доли в «Русской земле», в Киеве...

Прибыв на север, Андрей Юрьевич не стал претендовать на главные города и занял Владимир-на-Клязьме. Неизвестно, чем завершился бы конфликт отца и сына, но Юрий Владимирович скоропостижно скончался. Соловьев так описывает случившееся: «10 мая 1157 года Юрий пировал у осменика Петрилы, в ночь занемог и через пять дней умер. В день похорон (16-го мая) наделалось много зла, говорит летописец: разграбили двор Юрьев Красный и другой его двор за Днепром, который он сам звал “раем”, также двор Василька – сына его – в городе; перебили суздальцев по городам и селам, имение их разграбили: эти действия киевлян служат ясным знаком нерасположения их к Юрию и его суздальской дружине, которую он привел с севера».

Смертью Юрия кончилось третье поколение Ярославичей.

Позднее Андрей Боголюбский обвинит киевское боярство в смерти своего отца. Но он даже не попытался в тот момент заявить свои права на киевский престол. «Изяслав Давыдович в другой раз въехал в Киев, теперь уже по согласию всех Мономаховичей: о сыне Юрия, Андрее Боголюбском, не было, по крайней мере, ничего слышно», – замечал Соловьев.

Боголюбский вовсе не отказывался от планов закрепления на юге. Как замечал Лимонов, «несмотря на смерть Юрия и появление в Киеве нового князя, расстановка сил почти не изменилась. Как и ранее, Суздаль идет на любые политические комбинации, чтобы обезопасить свои границы и подчинить себе Киев. Для Андрея и “суздальских бояр” это противоборство – величина постоянная в политике». Но у него для борьбы за Киев нет ни сил, ни возможностей, ни старшинства в династии Рюриковичей. Пока же ему нужно было укрепиться на севере.

Скоропостижная смерть Юрия Долгорукого привела к немедленной потере суздальским княжеским домом не только Киева. Посаженные Юрием на юге его сыновья быстро лишились своих владений. Лишь Глеб Юрьевич крепко держался за Переяславль Русский. Сидевший в Новгороде при Юрии его сын Мстислав был изгнан новгородцами. Но и младшие сыновья Юрия Долгорукого Михалко и Всеволод, княжившие при отце в Ростове и Суздале, тоже лишились своих столов, потесненные Андреем Боголюбским.

«В том же году ростовцы и суздальцы сжалились о своем князе Андрее Боголюбском... и надумали все посадить его на столе отца его в Ростке и Суздале, потому что любим был всеми». То есть Андрей Боголюбский был выбран князем всей Суздальской землей во главе со «старшими» городами.

К 1161 году на севере собрались почти все Юрьевичи: Мстислав, Василько, Ярослав, Святослав, а также Михалко, Всеволод и два сына старшего Юрьевича – Ростислава: Мстислав и Ярополк. Такая концентрация родни, только что лишившейся старых княжений и/или требовавшей новых, была чревата большими проблемами. В этих условиях Андрей решился на исключительные меры, просто прогнав часть родни со двора. По свидетельству Ипатьевской летописи, он «братьев своих прогнал Мстислава и Василка и двух Ростиславичей, племянников своих... Это сотворил, желая самовластцем быть всей Суздальской земли». Были изгнаны не только Мстислав и Василько, но и Михалко со Всеволодом. С Андреем остались его братья Ярослав и Святослав и некоторые «мужи отца» (т. е. бывшие бояре отца. – В.Н.), но владельческая и политическая целостность Суздальской земли была сохранена. Ключевский замечал, что «князь Андрей делает первую попытку заменить родственное полюбовное соглашение князей обязательным подчинением младших родичей, как подручников, старшему князю, как своему государю-самовластцу».

И всему этому множеству детей и внуков Юрия Долгорукого, не получивших собственных княжений, нужно было чем-то заняться. Воевать за киевский и другие престижные южные престолы у них, в отличие от отца, не было формальных оснований. Антон Горский прав: «Сын Юрия Андрей “Боголюбский” в первые десять лет своего княжения во Владимире (куда он перенес столицу Суздальской земли из Суздаля) не принимал активного участия в южнорусских делах. Он начинает претендовать на главенство среди русских князей в конце 1160-х годов. Почему не ранее? Не потому, что его земля была сначала слаба, а потом усилилась. Причина в совсем иной сфере – династической. Только после смерти в 1167 году киевского князя Ростислава Мстиславича (родоначальника смоленской ветви Мономаховичей) Андрей остался старшим в поколении внуков Мономаха. И это давало ему основание претендовать на первенство на Руси».

Андрей Юрьевич сделал Владимир стольным городом княжества и заботился о его возвышении и укреплении. Его украсили Золотые ворота, Успенский собор, в который была торжественно помещена та самая икона Богоматери, которую князь привез из Южной Руси. Владимир оттеснял на второй план прежние главные города – Суздаль и Ростов.

Новая столица располагалась рядом с восточными границами княжества, и Андрей постарался обезопасить ее от нападений с востока, со стороны Волжской Булгарии. У него появилась последовательная политика натиска на восток. В нижнем течении Клязьмы строится Гороховец.

На верхней Двине, в низовьях Сухоны, осваивая территории по нижнему течению Клязьмы и Оки, князья Суздальской земли (со времен Андрея Боголюбского ее уже можно называть и Владимирской) все сильнее вторгались в зону влияния Булгарского государства. И именно с 1160-х годов начинается серия восточных походов владимирских князей, прервавшаяся незадолго до нашествия Батые.

Поход в землю Волжской Булгарии летом 1164 года – самое крупное военное предприятие, в котором Андрей Боголюбский принял личное участие. Более того, это был его единственный поход за пределы Руси. Известие об этой операции сохранилось в Лаврентьевской летописи и в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери».

Карамзин замечал: «Давно Россияне, притупляя мечи в гибельном междоусобии, не имели никакой знаменитой рати внешней: Андрей, несколько лет наслаждавшись мирным спокойствием, вспомнил наконец воинскую славу юных лет своих и выступил в поле». В походе

приняли участие сразу четыре князя: сам Андрей, его сын Изяслав, брат Ярослав, а также Юрий Владимирович Муромский.

Есть свидетельство, что «Андрей выбрал тот же маршрут, что и его отец в далеком 1120 году: из Ростова к Ярославлю, а затем вниз по течению Волги. Значит, что где-то в районе нынешнего Нижнего Новгорода... он встречался с муромскими дружинами, спускавшимися по Оке. Впрочем, некоторые современные историки полагают, что в действительности Андрей избрал более короткий маршрут: по Клязьме, а потом по Оке». Возможным местом сбора войск при организации похода Кучкин считает Гороховец, основание которого относит к периоду от 1158 до 1174 года.

Каким бы ни был маршрут, миновать место слияния Оки и Волги, где сейчас стоит Нижний Новгород, войска в любом случае не могли.

У Селезнева опять своя романтизированная история, связанная с уже существовавшим, по его мнению, к тому времени Городцом: «Но сначала князь отправился в Городец (1164). С собой Андрей Боголюбский взял икону Всемиловитового Спаса и две иконы Богородицы – одну из Успенского собора во Владимире, другую из Феодоровского монастыря, расположенного около Владимира.

Этот монастырь Андрей Боголюбский основал во имя Феодора Стратилата. У князя было особое отношение к святому Феодору. Однажды, в день его памяти, Андрей в пылу битвы оторвался от своих дружинников и был окружен врагами, но чудесным образом спасся.

В Ярославле Андрей Боголюбский сел в струг и поплыл вниз по Волге. В Городце князь пристал к берегу. Прежде всего он повелел начать восстановление города. Вероятно, оно началось с постройки детинца. Так на Руси называлось изначальное внутреннее укрепление города.

Детинец, возведенный в 1164 году, расположился на том же месте, где стояла сгоревшая крепость Юрия Долгорукого – на Княжьей горе. С востока территорию древнего детинца теперь ограничивает улица Ворожейкина...

Дав указания по строительству вала и рва окольного города, Андрей Боголюбский покинул Городец. Перед отъездом князя городчане начали его молить, чтобы он оставил в городе икону Божьей Матери. Андрей даровал им Феодоровскую икону. Во имя ее здесь был основан монастырь.

От Городца князь Андрей поехал сухим путем. Он переправился через Волгу, Санохту (в современном Чкаловском районе) и через территорию нынешней Ивановской области вернулся в центр своих владений – к Кидекше (Китежу)...

Из Кидекши Андрей Боголюбский во главе войска водным путем, по Нерли, Клязьме и Оке, направился в поход против болгар».

Ареной боевых действий выступил район нижнего течения Камы. Русские высадились несколько выше устья реки, где и произошло сражение с основными силами болгар. Войска Андрея взяли верх в жестокой битве: «... и помог им Бог и Святая Богородица над болгарскими: самих иссекли множество, а стяги их захватили, и едва с малой дружиной убежал князь болгарский в Великий город». «Великим городом» на Руси называли болгарскую столицу, которой тогда был, вероятно, город Биляр, на реке Малый Черемшан. После победы русские войска продолжили движение по Каме – в коренную область Волжской Булгарии.

Им удалось захватить пять болгарских городов. Какие из них были сожжены, а какие были оставлены платить дань, источник не сообщает. Самым крупным из этих городов был, очевидно, упоминаемый в летописи Брахимов, местонахождение которого неизвестно. Надо полагать, что территория Булгарии, обложенная данью, непосредственно примыкала к владениям Андрея Боголюбского. К самому «Великому городу» он не пошел: для этого требовались гораздо большие силы. Князья отплыли обратно в русские земли.

Булгарский поход приобрел особую значимость в Северо-Восточной Руси. «Одержанная князем победа была воспринята и им самим, и окружающими его людьми прежде всего как

новое свидетельство Божественного покровительства князю и всей Русской земле, как зримое торжество Православия. День, в который была одержана победа, – 1 августа – стал отмечаться во Владимиро-Суздальском княжестве как один из главных церковных праздников».

Именно после похода 1164 года можно с большой уверенностью датировать начало строительства Городца, первое достоверное упоминание которого приводит Лаврентьевская летопись в статье под 6680 (1171) годом: «Был князь Мстислав на Городце, объединившись с братьями своими, с Муромским и Рязанским, на устье Оки». В 1171 году Городец на Волге уже стоял.

Почему было выбрано то место, где и сейчас расположен этот очень живописный город? Об этом можно только строить предположения, летописи подсказок не содержат. Местные историки и краеведы дают такой ответ: «Основным градоформирующим фактором стало важное стратегическое значение города, обусловленное его местоположением на свободных землях в 53 км от устья Оки, на высоких кручах, господствующих над берегом Волги. Это определило роль Городца как пункта сбора войск и опорной базы для наступательных действий на Волжскую Булгарию... Это единственное место низинного левобережья, где край верхней надпойменной террасы вплотную приближается к реке, образуя массив Кирилловых гор. Пойма и нижняя надпойменная терраса к северу от исторического ядра Городца изначально были достаточно обширными. Ныне эти территории частично затоплены водами Горьковского моря».

Пудалов добавляет немаловажное обстоятельство: «Определяющими могли стать близость территории будущей Городецкой округи к землям, уже освоенным русскими, и “незанятость” этой территории: летописи не сообщают о существовании здесь племенных центров поволжских народов, тогда как к устью Оки примыкали земли мордвы, а в низовье Оки, близ устья Клязьмы, находились владения мещеры (в более поздних источниках упомянут их центр – Мещерск, ныне Горбатов). Все это во второй половине XII в. неизбежно осложняло оборону устья Оки от возможного нападения булгар, делая предпочтительнее место, выбранное для основания Городца».

Любопытно, что древнейший город на Нижегородской земле, по сути дела, остался без имени. Ведь «Городец» – не имя, а просто «маленький город». Впрочем, летописи XII–XIV веков упоминают около десятка «городцов» в разных частях Руси. Так нередко называли начавшие строиться города, еще не получившие официального названия. И именно поэтому в начале его истории использовалось уточняющее название – «Городец на Волге».

Почему же нижегородский Городец так и остался без имени и с уменьшительным суффиксом? Дело не в его «незначительности». Напротив, это был, как мы увидим, крупный и стратегически значимый город. Похоже, он просто не успел обрести официального имени, сохранив древнейшее.

Видный советский историк русской архитектуры и градостроительства Гали Владимировна Алферова в свое время указывала, что статус города с незапамятных времен предполагал обязательное наличие нескольких составляющих: «укрепленная территория (крепость), посад, слободы и прилегающие земли». При этом существовал ритуал закладки городов и поселений, постановки в них храмов и организации жилищного строительства. В Кормчей книге XII–XIII веков был раздел о градостроительных нормах, а значит, существовал богослужебный ритуал закладки и завершения строительства города.

Пудалов уверен: «Совершенно очевидно, что несоблюдение любого элемента градостроительного ритуала и отложенное на длительное время освящение вновь сооруженного города также должны были привести к тому, что город воспринимался как незавершенный и не получал имени... Летописные известия о начальном периоде истории Городца ничего не сообщают о строительстве городского собора – главного храма, в котором должен был совершаться молебен с освящением вновь сооруженного города и наречением ему имени. Без этого формального

акта поселение – хотя бы и значительное по площади, количеству сооружений и населению – неизбежно считалось незавершенным, неполноценным, не достигшим статуса города».

Для быстрого развития Городца на Волге, превращения его в отвечающий всем формальным критериям того времени полноценный город было немало препятствий. Он располагался далеко от наиболее населенных центров Владимиро-Суздальского княжества с их людскими и материальными ресурсами, из-за чего сложно решались вопросы логистики. Смерть Андрея Боголюбского в 1174 году и последовавшая смута сместили приоритеты и опустошили княжескую казну. Развитие Городца замедлилось, он замер в статусе крепости, военной базы. Известий о закладке каменного собора в городе нет, а значит, он считался недостроенным. Имя Андрея Боголюбского (которое вполне мог бы носить Городец) после его смерти было столь неоднозначным, что им не называли ни одного города. Не было на Руси «Андреева». Самого Андрея Боголюбского канонизируют только в 1703 году.

А откуда взялось название «Городец Радилов», упоминаемое и в летописях, и в серьезной краеведческой и исторической литературе? Предание связывает его с неким строителем города по имени Радил; с названием поселения, предшествовавшего Городцу; с именем человека, обитавшего на месте Городца. В летописях ответа нет.

Пудалов справедливо обращает внимание на то, что летописание собственно Владимиро-Суздальской земли никогда не использовало названия «Городец Радилов». Оно появляется в статье под 6724 (1216) годом в летописях, восходящих к первоисточникам Великого Новгорода, где рассказывается об удалении Георгия Всеволодовича, будущего основателя Нижнего Новгорода, в «Радилов городец» после поражения в Липицкой битве. Два других упоминания «Радилова городца» в летописях – поздние вставки в сводах XVI века. «Город назван Радиловым лишь в одном известии, а во всех остальных, в том числе более ранних, он именуется либо “Городец-на-Волге”, либо просто “Городец”, – подчеркивает Пудалов. – К тому же нет никаких свидетельств пребывания здесь человека с именем “Радил”, которому следовало бы атрибутировать основание или укрепление города... Топоним “Радилов” или производные от него на территории Нижегородского края не зафиксированы... Получается интересная ситуация: новгородское летописание (владычная летопись) единственный раз достоверно называет наш Городец “Радиловым” – но не называет его так ни до, ни после рассказа о событиях 1216 года».

У Пудалова, как представляется, были основания предполагать в названии «Городец-Радилов» применительно к Городцу-на-Волге следствие ошибки новгородского летописца XIII века. Ошибка эта получила продолжение в общерусских летописных сводах XV–XVI веков, восходящих к Софийской I летописи, и в историко-краеведческой литературе. Скорее всего, она была вызвана путаницей в локализации древнерусских «городцов».

Дело в том, что в новгородском известии о столкновениях 1216 года упоминались и Городец, и Радилов (населенный пункт в Тверской земле). На это обращал внимание еще Владимир Степанович Борзаковский в вышедшей в 1876 году «Истории Тверского княжества». На Тверской земле точно существовал Радилов, причем даже не один, а два. Поэтому можно сделать достаточно уверенный вывод о том, что новгородский летописец, рассказывая о событиях в далекой от него Суздальской земле и не слишком детально представляя ее географию, присоединил уточняющее название одного «городца» к другому.

Ответы на многие – не все – спорные вопросы об основании и ранней истории Городца дала археология. Разведочные археологические работы в Городце впервые начались уже после того, как он отметил 800-летие, – в 1954 году, под руководством преподавателя Горьковского государственного педагогического института, почетного гражданина Нижнего Новгорода Игоря Александровича Кириянова. Более детальные исследования были проведены в 1960 и 1962 годах под руководством Медведева. С 1978 года эти работы возглавляла Татьяна Гусева.

Главные выводы многолетних археологических раскопок можно суммировать так.

Медведев полагал, что первоначально была поставлена небольшая деревянная крепость, которая позднее сгорела, а на ее месте через некоторое время возникли вал и ров детинца. Этой версии, как видим, придерживается и Селезнев. Гусева, основательно раскопавшая Городец, эту версию опровергла: «Следы древней крепости не были обнаружены нигде». Городец возник на пустом месте, крепостные стены стоят на материке. Следов более ранних поселений на его территории не найдено. Самые ранние находки в Городце датируются XII веком, но никакие современные методы анализа не позволяют сказать, идет ли речь о 1150-х или 1160-х годах. Древнейший культурный слой толщиной в 10–20 см датируется второй половиной XII – первой третью XIII веков. Его перекрывает 1–3-сантиметровая прослойка угля – результат пожаров времен татаро-монгольского нашествия.

Городец сразу возводился по сложному архитектурному проекту. По своей планировке он относился к числу полукруглых крепостей, примыкавших к естественному оборонительному рубежу, в нашем случае – к обрывистому берегу Волги. Подобная планировка весьма характерна для русских крепостей XI–XII веков. В нее входили укрепленное ядро – детинец и окольный город. Городские укрепления состояли из дерево-земляных валов, которые имели форму двух концентрических дуг, концы которых обращены к Волге, а изгибы – к востоку. Каждая из дуг с внешней стороны была защищена рвом. Строились все оборонительные сооружения одновременно.

Площадь посада (окольного города) вокруг детинца уже во второй половине XII века составляла около 60–80 гектаров. Эта территория была полностью заселена. Длина окружавшего посад вала – 2100 метров. У Кучкина читаем: «Возвышение города отразилось в значительной площади укрепленной территории (около 80 га, то есть больше, чем в Рязани и Переяславле) и мощности оборонительных сооружений (абсолютная высота валов окольного города составляла от 11,5 до 13 м, что сопоставимо с мощностью валов Владимира и Рязани). Современную ей Москву крепость по размеру превосходила многократно».

Валы детинца являлись сложными инженерными сооружениями и имели мощные и разветвленные внутренние конструкции. Длина вала составляла 550 метров, ширина основания вала – 22 метра, высота – до 7 метров. Детинец находился между современными улицами Гагарина и Свердлова, на крутом берегу Волги. С севера и с юга его защищали два глубоких оврага. Установить первоначальную площадь детинца вряд ли уже удастся из-за неоднократных оползней волжского берега в последние 850 с лишним лет. В настоящее время выявленная площадь детинца – около 3,5 гектара.

При раскопках на детинце и посаде еще Медведев обнаружил древнейшие жилища людей – землянки, углубленные в материк до 1,5 м. По мнению археолога, конструкция жилищ имела южнорусский характер. По углам ставились четыре столба, на которые опирались деревянные стены и кровля. Глинобитная печь находилась за пределами землянки, куда выходило лишь устье печи. Большинство землянок, сооруженных во второй половине XII века, погибло от пожара, очевидно, в 1238 году.

Под руководством Гусевой был исследован значительный участок средневековой улицы, соединявшей южные ворота укреплений посада с детинцем в районе современной улицы Пржевальского. «Жилые и хозяйственные постройки отдельных усадеб располагались вдоль улиц, за заборами и частоколами. Жилища, типичные для лесной полосы европейской части России, представляли собой однокамерные избы размерами не более 4х4 м, рубленные в обло из сосновых бревен с глиняной обмазкой снаружи. Один из углов дома (чаще северо-западный) занимала печь, сложенная из камней и обмазанная глиной».

Гусева подчеркивает, что «находки, связанные с торговлей (гирьки, монеты, товарные пломбы, предметы импорта), следы различных ремесленных производств (гончарного, кузнечного, косторезного, ювелирного и др.), остатки ремесленных мастерских, наличие уличной планировки и усадебной застройки служат бесспорным подтверждением городского

облика Городца». Материальная культура сходна с другими сложившимися городами Владимиро-Суздальской Руси. «Археологические находки позволяют утверждать, что древний Городец являлся крупным торговым и ремесленным центром региона. Находки привозных предметов свидетельствуют о торговых связях с Прибалтикой, Средней Азией, Закавказьем, – подчеркивает Кучкин. – Обнаруженные следы производственной деятельности (полуфабрикаты и бракованные изделия) доказывают существование ремесел – железоделательного, ювелирного, косторезного, камнерезного, гончарного и других».

Окрестности Городца не были заселены к моменту его основания. Средневековые поселения (свыше сорока), которые археологи нашли в округе, представлены только древнерусскими селищами, и все они датируются временем не раньше XII века. Это свидетельствует о том, что сельскохозяйственная округа стала заселяться лишь после строительства Городца.

Характер и масштабы укреплений Городца не оставляют сомнений в том, что он строился не как сторожевая крепость, а изначально как военно-административный княжеский центр. Об этом, считает Гусева, говорят и находки княжеских вислых печатей в Городце. Его стены закрепляли власть владими́ро-суздальских князей над территорией, занятой в результате военных операций против Волжской Булгарии. Обустройство Городца как «княжеского центра и формирование городской округи как судебно-податной территории протекало одновременно и было взаимообусловлено»..

Первое достоверное упоминание Городца-на-Волге, напомним, приводит Лаврентьевская летопись в статье под 1171 годом. Соединение с рязанскими и муромскими дружинами «в устье Оки» и направление похода («на Болгар») доказывают, что имеется в виду нужный нам Городец. В правильности известия Лаврентьевской летописи нет оснований сомневаться, эти же сведения содержатся в Радзивилловской, Ипатьевской, Воскресенской летописях.

«Из походов, деланных в XII столетии владетелями Низовской земли на болгар, замечательнее всех, по отношениям своим к истории Нижнего Новгорода, был поход Мстислава Андреевича зимой 1171 года», – замечал Храмцовский. Правда, время похода определяется по-разному: февраль-март 1171 года или, что менее вероятно, 1172-го (Карпов), зимой 1171/72 годов (Кучкин), в 1173 году (Рыбаков).

Цели похода не вполне ясны. Может, болгары нарушили неизвестные нам договоренности, заключенные с Андреем после предыдущей кампании, может, напали на русские земли, а может, русские князья просто решили обогатиться в стране торговой, как говорил Карамзин (за добычу чаще всего и велись войны в Средние века).

Возглавить операцию было поручено сыну Андрея Боголюбского Мстиславу, воеводой к нему отец приставил Бориса Жидиславича. Из контекста Лаврентьевской летописи понятно, что Мстислав не княжил в Городце, а находился здесь в связи с организацией военного похода на болгар. Его операция – действия князя-«подручника» при великом князе. Нет ни слова о том, что Андрей Юрьевич «дал» сыну Городец или что Мстислав «сидел» на Городце. То есть Городец-на-Волге не был центром самостоятельного княжения и «своего» князя не имел, находясь под прямым управлением великого князя Владимирского.

Андрей пригласил присоединиться рязанского и муромского князей, но те ограничились тем, что направили ему на помощь своих сыновей. Местом сбора дружин был определен Городец, уже точно к тому времени построенный. Рыбаков шел еще дальше, предполагая, что под «Городцом» в летописном свидетельстве имелся в виду уже Нижний Новгород. Во всяком случае, я не могу иначе понять его утверждение: «В “Городце” на Волге в устье Оки (Нижний Новгород, современный г. Горький) был назначен сбор всем дружинам». Полагаю, академик Рыбаков в этом вопросе забегал вперед.

«В Городец... и прибыл Мстислав Андреевич с частью войска – прежде всего с собственной дружиной и воеводой Борисом, – описывает подготовку к походу Алексей Карпов. – Затем они продвинулись к устью Оки – туда, где впоследствии будет выстроен Нижний Новгород.

Впрочем, мы не знаем точно, на каком берегу Оки – левом или правом – остановился князь, равно как не знаем, имело ли какие-либо укрепления место его стоянки или же он расположился в неукрепленном временном поселении. Здесь князь и соединился со своими “братьями” – младшими князьями из Муром и Рязани... Тут-то и выяснилось, что особого желания воевать не было ни у ростовской, ни у суздальской рати, ни у рязанских и муромских полков. Летописец объясняет это тем, что поход был “не люб” людям, “зане непогодье есть зиме воевати болгар”».

Подхода основных сил ждали две недели, но так и не дождались. Рыбаков увидел в этом факте проявление уже начавшегося саботажа боярами политики Андрея Боголюбского. «Две недели князя безуспешно ожидали своих бояр: путь им был “не люб”, и они, не высказывая прямого неповиновения, нашли хитроумный способ уклониться от нежелательного похода – они “идучи не идяху”... Суздальские бояре сами освободили себя от военной службы, придумав способ идучи не идти».

Не дождавшись подхода основных войск, молодые князья решили ударить по булгарам силами «передней дружины». Ничего не подозревавшие булгары были застигнуты врасплох. Неожиданным ударом русские захватили шесть болгарских сел и неназванный город. Однако успех был локальным.

Булгары быстро пришли в себя и бросили против Мстислава 6-тысячное войско. Теперь уже русским князьям пришлось уносить ноги от погони, которая отставала всего на 20 верст. Мстислав «с малою дружиною» и пленными успел переправиться через Оку. Преследовать их дальше булгары не стали.

На основании описанных событий Кучкин делает важный вывод о масштабах проникновения и степени контроля русских над нижегородскими землями. «Территория, где находились эти шесть сел и город, была расположена недалеко от устья Оки. Земли по обоим берегам Волги выше устья Оки в рассматриваемое время были владимирскими или по крайней мере под контролем владимирского князя. Мстислав шел на соединение с союзниками от Городца... Сын Боголюбского беспрепятственно достиг места слияния Волги с Окой. Следовательно, болгарских владений севернее р. Оки не было. Не было их и выше по Оке, откуда подошли муромская и рязанская рати. Очевидно, русские князья воевали земли по р. Волге ниже впадения в нее р. Оки. Сколь далеко были расположены эти земли от слияния Оки с Волгой, сказать трудно. Существует мнение, что границы Булгарского государства проходили где-то по р. Суре, а на месте будущего Нижнего Новгорода располагался болгарский торговый центр. Однако данных, подтверждающих такое мнение, нет. Согласно известию 1171/72 г., булгары не знали о готовившемся на них походе. Из этого можно заключить, что территория, примыкавшая на довольно значительном пространстве к устью Оки, в XII в. была подвластна не им. Русские же князья зимой 1171/72 г. воевали земли, контролируемые Волжской Булгарией».

Кучкин обращал внимание еще на один момент: «Мстислав, находившийся в Городце, соединился с муромским и рязанским князьями на устье р. Оки “и ждали они дружину 2 недели и, не дождавшись, поехали с переднею дружиною”. Прочитированное место приводится иногда как доказательство существования в последней трети XII в. поселения на месте будущего Нижнего Новгорода. Действительно, ждать зимой две недели подхода дружины можно было или в военном лагере, или в каком-то населенном пункте. Но при этом вполне возможно, что полки русских князей ожидали прибытия дополнительных сил не на правом берегу р. Оки, где впоследствии был основан Нижний, а на ее левом берегу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.